

УДК 316.65

Д.В. ПРОШИН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНЖЕНЕРИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, КРИТИКА

Прошин Денис Владимирович — доцент кафедры политологии, социологии и гуманитарных наук, кандидат исторических наук Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля

Рассматривая различные этапы эволюции и формы политико-инженерной теории и практики, автор приходит к выводу о неоправданности однозначных (как положительных, так и отрицательных) оценок политической инженерии. Развитие политической инженерии отражает естественное усложнение общественной системы, ставящее на повестку поиска эффективных методов управления общественными процессами. В связи с этим ключевой вопрос — не о приемлемости или неприемлемости инженерного подхода к общественной жизни, а о достижении наибольшей результативности инженерных проектов, опирающихся на принципы гуманности и справедливости.

Ключевые слова: политическая инженерия, поэтапная инженерия, утопическая инженерия

Розглядаючи різні етапи еволюції та форми політико-інженерної теорії та практики, автор приходиться до висновку про невідповідність категоричних (як позитивних, так і негативних) оцінок політичної інженерії. Розвиток політичної інженерії відбиває природне ускладнення суспільної системи, що ставить на порядок денний пошуку ефективних методів управління суспільними процесами. У цьому зв'язку ключове питання — не про прийнятність чи неприйнятність інженерного підходу до суспільного життя, а про досягнення найбільшої результативності політико-інженерних проєктів, що спираються на засади гуманності та справедливості.

Ключові слова: політична інженерія, поетапна інженерія, утопічна інженерія

Analyzing different evolutionary stages and forms of political engineering's theory and practice, the author comes to the conclusion of incorrectness of categorical assessment of political engineering (positive as well negative). Political engineering's development reflects evolution of a social system that makes necessary the search of effective methods of regulation of social processes. It means that the main question is not the one of acceptability or non-acceptability of engineering approach to the social life, but the one of making political engineering projects more effective while ensuring they are based on the principles of humanity and justice.

Key words: political engineering, gradual engineering, utopian engineering

© Д.В. Прошин, 2012

В предлагаемой статье анализируется феномен политической инженерии как интеллектуальная традиция и фактор общественного переустройства. (Речь идет именно о проектах переустройства общественных институтов, а не о политехнологиях, PR-кампаниях и т. п.).

Проблема, с которой неизбежно сталкиваются при рассмотрении данного феномена, — это проблема действенности и оправданности организованного, целенаправленного, «искусственного» вмешательства в течение общественных процессов. Идеологические аргументы современных сторонников политической инженерии сводятся к тому, что она позволяет эффективно использовать социальные ресурсы, нацеливая их на решение четко обозначенных задач и привлекая к этой деятельности профессионалов, опирающихся на последние достижения социальных наук. Противники инженерного подхода к общественной жизни, критикуя его с разных (порой взаимоисключающих) позиций, ставят политической инженерии в вину то, что она «чрезмерно укрепляет власть центрального правительства», «препятствует свободной конкуренции и, реформируя социальный порядок, поддерживает слабых и неприспособленных», «угрожает гражданским правам и свободам», «превращает людей в винтики машины или фигурки на шахматной доске», «манипулирует людьми», «раздувает бюрократический аппарат», «лишает общественные отношения спонтанности и естественности».

Научные исследования, прямо или косвенно затрагивающие проблемы политической инженерии (Э. Бернайз [7], У. Мак-Дугалл [8, 9], Л. Мамфорд [2], Г. Маркузе [3], К. Поппер [4], А. Форт [5], Е. Шацкий [6]), также нередко содержат полярно противоположные выводы и оценки — от откровенной апологетики (Бернайз) до острейшей критики (Маркузе). Между тем непреходящая важность данного вопроса (как сугубо академическая, так и политико-практическая), его неразрывная связь с идеалами справедливости и стремлением к общественному благосостоянию требуют непредвзятого, взвешенного анализа проблемы, позволяющего ясно осознать сопряженные с нею опасности и возможности.

В связи с этим необходимо подчеркнуть: по своей природе политико-инженерная деятельность настолько сложна, что в принципе не позволяет ограничиться однозначной ее оценкой. С одной стороны, постепенное становление политической инженерии порождено естественной, растянувшейся на многие века тенденцией ко все большей упорядоченности, рациональности и управляемости постоянно усложняющихся социальных процессов. С другой стороны, политическая инженерия — проявление чисто идеалистического, утопического стремления к созданию совершенного общественного устройства — устройства, которое, достигнув «высшей точки», навсегда застывает на этом уровне. Серьезнейшая трудность, сопряженная с политико-инженерной деятельностью (и ее изучением),

состоит в том, что эти факторы – естественный или «технический», и идеалистический, утопический – нередко тесно переплетаются друг с другом, обнаруживая как сильные, так и слабые (точнее, наверное, было бы сказать, – светлые и темные) стороны политической инженерии. Автор видит свою задачу именно в комплексном анализе феномена политической инженерии.

Двойственную природу генезиса политической инженерии позволяют увидеть уже шаги древних правителей – шаги, во многом, в сущности, схожие с современными политико-инженерными проектами.

Один из таких примеров – реформы китайского императора-мегаломана Цинь Шихуанди (III в. до н.э.), а также связанные с этими реформами некоторые процессы в дальнейшей истории Китая. Сломив сопротивление родовой знати, Цинь Шихуанди создал государственный аппарат, построенный [согласно доктрине фацзя («школы законников»)] не на основе патриархальных правил, а исключительно на началах централизации и эффективности. Опираясь на государственную машину нового типа, основатель империи Цинь планомерно реформировал внутреннюю жизнь Китая, подчиняя все ее стороны принципам систематичности и единообразия.

Император преследовал сторонников прежних порядков – ученых-конфуцианцев (было казнено более четырехсот «книжников»), однако после крушения империи Цинь произошло «примирение»: идеи циньской политики были соединены с традициями конфуцианской книжности. Одно из ключевых положений доктрины фацзя: «Законы не льстят знатным» (все одинаково подчинены воле императора) слилось с конфуцианским «культуром» учености, в результате чего сложился механизм государственной службы, учитывавший не столько знатность, сколько образованность и профессиональные качества. Конфуцианские ученые-чиновники (жу) задолго до возникновения слоя «технократов» в Европе и Америке превратились в мощный инструмент социального управления.

В итоге перед нами – постепенное складывание государственного аппарата, работающего во многом на «современных» началах системности и профессионализма, и одновременно – удовлетворение маниакальной страсти к единовластию, созданию незыблемого «вечного» государства и увековечению собственного «я». (Согласно историческим свидетельствам, Цинь Шихуанди издал указ о своем бессмертии, и после кончины императора его тело еще долгое время оставалось в тронном зале, «участвуя» в дворцовых ритуалах.)

Стремление к искусственному, «техническому» созданию совершенного общества, образы рационального общественного устройства, разного рода концепции и проекты построения и применения эффективной государственной машины нашли отражение также и во множестве философских и художественных сочинений – утопий и политических трактатов.

Древнейшей, но при этом одной из наиболее де-

тально разработанных утопий является платоновское учение об идеальном государстве, изложенное в двух сочинениях: «Государство» и (после существенной переработки) «Законы» (IV в. до н.э.).

Платон полагал, что высшая государственная власть должна находиться в руках царей-философов, постигших законы общественного устройства и создавших государство в полном соответствии с открытыми истинами (речь, разумеется, идет о тех «законах», которые в своем философском учении сформулировал Платон). Платону виделось кастово-коллективистское общество с резким ограничением частной собственности, отсутствием семьи, принудительным воспитанием людей в соответствии с выявленными у них склонностями и вообще – вмешательством государства буквально во все сферы общественной и частной жизни (хотя об этой последней в платоновском идеальном государстве практически не приходится говорить). К примеру, Платон предполагал, что царями и назначаемыми ими «стражами» будут регламентироваться даже музыкальные вкусы граждан. (Сам Платон отдавал предпочтение спартанской музыке, воспитывающей в людях мужество и чувство долга.)

На страницах платоновских утопических сочинений открыто говорится о необходимости насильственного слома старых порядков с целью «расчистки места» для создания совершенного государства. В своем трактате «Открытое общество и его враги» (1945 г.) Карл Поппер сурово осуждает платоновский утопизм, а самого Платона называет предтечей бесчеловечных политических экспериментов первой половины XX в. Поппер пишет: «Вот что значит очистить доску [избавиться от наследия прошлого]. Он [автор утопического проекта] должен искоренить существующие институты и традиции. Он должен очистить, удалить, выслать, изгнать и убить. («Ликвидировать» – этот ужасный термин используют сегодня.) Вот действительно верное описание характерной для всех форм радикализма бескомпромиссной установки...» [4, 166]. Как видим, и здесь стремление использовать знание в целях планомерного усовершенствования общества шокирующим образом соединяется с деспотическими или радикально-террористическими идеями.

Поппер предлагает разделить политико-инженерный подход на две особые разновидности, первую из которых, представленную, в частности, платоновским учением, он называет утопической, а вторую – поэтапной инженерией [4, 159-160]. В каком-то смысле – это попытка разделить утопическое и техническое в политико-инженерной деятельности.

Утопическая инженерия, дает свою трактовку Поппер, – это радикальные попытки, вмешиваясь в социальные процессы, разрушая одни институты и создавая по своей воле другие, так перестроить все общество в целом, чтобы оно отныне соответствовало изначально имевшемуся у его творцов «инженеров» идеальному проекту. Сторонник утопических инженерных проектов, поскольку он уверен в их абсолютной правильности, может по-

йти на любые жертвы для достижения своего идеала. Эти жертвы в его глазах будут оправданы жестокой необходимостью борьбы за всеобщее счастье. (Поппер цитирует циничное высказывание Ленина: «Не разбив яиц, нельзя приготовить омлет».)

Поэтапная инженерия, напротив, не претендует на то, чтобы творить совершенные общественные порядки. Практикующие поэтапный инженерный подход государственные деятели желают лишь одного – доступного человеку частичного облегчения социальных трудностей. Поппер указывает: «Применяющий его [поэтапный инженерный подход] политик может как иметь, так и не иметь перед своим мысленным взором план общества, он может надеяться, а может и нет, что человечество однажды воплотит в жизнь идеальное общество и достигнет на земле счастья и совершенства. Однако он будет осознавать, что если человечество и способно достичь совершенства, то это произойдет еще очень нескоро, и что каждое поколение людей... стремится не столько к тому, чтобы его осчастливили, ...сколько к тому, чтобы его избавили от несчастий, которые человечество в состоянии предотвратить».

Продолжая тему наиболее известных утопий, воплотивших стремление к идеальному обществу, упомянем сочинение Томаса Мора («Утопия», 1516 г.), давшее название и литературному жанру, и рассматриваемому нами направлению социальной мысли, а также книгу Томмазо Кампанеллы «Город Солнца» (1602 г.). Даже если эти утопии отличаются от платоновской сравнительно большей гуманностью, в них также отсутствует всякое движение: обретя «совершенную» форму, общество навсегда замирает.

Особое явление представляет собой произведение флорентийского государственного деятеля Никколо Макиавелли под названием «Государь» (1513 г.). Это не утопическое сочинение, но здесь тоже (и, возможно, с еще большей выразительностью) воплощена идея политического конструирования. В «Государе» Макиавелли излагает принципы, придерживаясь которых правитель сможет планомерно создать государственную машину, способную эффективно решать политические задачи любой сложности.

Историк Якоб Буркхардт, автор фундаментального исследования «Культура Италии в эпоху Возрождения», первую главу своей книги красноречиво назвал «Государство как произведение искусства», отметив характерную «проективную» направленность не только идей Макиавелли, но и всей политической теории итальянского Ренессанса [1, 8-87].

Своеобразным примером практических шагов, направленных на искусственное создание совершенного общественного устройства, явилось возникновение североамериканских поселений выходцев из Англии.

В 1620 г. группа пуритан (приверженцев одного из радикальных течений религиозной Реформации, подвергавшихся преследованиям у себя на родине) на корабле «Мэйфлауэр» причалила к американскому берегу, где основала колонию

под названием Плимут (в настоящее время – это одноименный город в штате Массачусетс). Важнейшим событием истории Плимутской колонии стало заключение так называемого «Мэйфлауэрского договора» (Mayflower Compact), выражавшего общее согласие колонистов-пуритан строить общину (представлявшуюся им сообществом праведников («святых»), противостоящих греховному миру) на началах благонамеренного коллективного законотворчества. (Разумеется, в соответствии с духом того времени договор подписывали только переселенцы-мужчины – всего 41 человек.)

Иными словами, своим Договором «отцы-пилигримы» (это название впоследствии было дано им многолетним губернатором колонии Уильямом Брэдфордом) в своеобразной, имеющей ярко выраженный религиозный колорит форме обозначили намерение (и уверенность в своей способности) целенаправленно, опираясь на имевшиеся у них представления о праведности и совершенстве, создать в буквальном смысле этого слова на пустом месте новый социальный порядок.

Прибытие пассажиров «Мэйфлауэра» и «Мэйфлауэрский договор» занимают видное место как в истории, так и в идеологии США. (Кстати, именно с образованием Плимутской колонии связана традиция ежегодного празднования в Соединенных Штатах и Канаде Дня благодарения.)

Разумеется, не преувеличивая степень влияния событий 1620 г. на дальнейшее развитие североамериканских колоний и Соединенных Штатов, в XVIII в. заявивших о своей независимости, нужно вместе с тем подчеркнуть, что основание Плимутского поселения как новой «земли обетованной» немало способствовало укоренению в американском обществе идей избранности, «особой судьбы», заключающейся в призвании в земных учреждениях воплотить высшие истины.

Примерно в то самое время, когда начиналась история движимых религиозным духом американских колоний, развитием наук постепенно начала формироваться почва для обновленных идей научного усовершенствования социального порядка. Эта линия намечается уже в утопиях Мора и Кампанеллы, но предельно четко, как центральное направление политического и социального устройства, впервые она проведена в книге «Новая Атлантида» (1623-1624 гг.), принадлежащей перу английского философа и государственного деятеля Фрэнсиса Бэкона.

В утопическом ключе описывая вымышленное государство Бенсалем, Бэкон во главе своей «новой Атлантиды» ставит крупнейших ученых, объединенных в «Общество для познания истинной природы всех вещей». Именно целенаправленное изучение окружающего мира и систематическое применение добытых знаний для развития общества Бэкон называет главным двигателем социального прогресса, инструментом планомерного совершенствования общественного устройства.

Одним из видных представителей этого интеллектуального течения (которое можно условно называть «технократическим») также являлся и названный «отцом социологии» французский

философ и ученый Огюст Конт (XIX в.). Необходимо отметить принципиальное различие между своеобразным платоновским «технократизмом» и «технократическими» идеями второй половины XIX в.

Напомним, Платон изображал идеальное общество как четко организованную систему, управляемую познавшими высшие истины «царями-философами». Однако, рассуждал Платон, поскольку открывшиеся правителям истины неизменны, воплотившее их идеальное государство также должно остаться неизменным, неподвижным образованием, в котором уже раз и навсегда надлежащим образом решены все социальные проблемы, устранены все соблазны и соотнесены общество и индивид (разумеется, это соотношение у Платона предполагало полное подчинение индивида социальной системе).

С другой стороны, для Конта и всех тех, кто был с ним единомышлен, основой социальной жизни были не высшие, «священные» принципы, реализуемые в некоем застывшем идеальном государстве, а силы непрерывного эволюционного совершенствования социальной системы. Познавая эти силы, исследователь общества, полагал Конт, получает в свои руки инструмент постоянного общественного обновления. Платоновской статике противопоставляется динамика просвещенного следования законам социальной эволюции. С этим связана и несравнимо большая гуманность «технократических» идей XIX в.

Платон, как уже было сказано, предлагал, если понадобится, радикальными методами «очистить доску», чтобы потом, подобно художнику (отсюда и метафора чистой доски), на освободившемся месте создать («изобразить», как бессмертный шедевр) идеально устроенное общество.

Можно сказать, что платоновский радикализм имеет немало общего с религиозным фанатизмом, пусть по другому признаку, но столь же бескомпромиссно разделяющим мир на «правильное» и «неправильное», «совершенное» и «несовершенное». Религиозный фанатик присваивает себе право судить о мире с позиций монопольного обладателя единственно истинного знания, или, как выразился сатирик, он действует так, как действовал бы Бог, если бы Богу было известно, как на самом деле обстоят дела. (И здесь, кстати, не лишним будет вернуться к ранее рассматривавшемуся переселению в Америку английских пуритан и указать на то, что сектантский характер обосновавшихся в Новой Англии пуританских общин также проявился в преследовании, так сказать, «нарушивших чистоту рядов»: речь идет о печально знаменитом процессе над сейлемскими ведьмами, в ходе которого 19 вынужденных оговорить себя женщин и девочек были приговорены к повешению, а еще 150 человек — к тюремному заключению.)

Для «технократов» XIX в., развивавших идеи новой политической или социальной инженерии, главным орудием совершенствования общественных отношений было не насилие фанатично убежденных в своей непогрешимости «носителей высшей истины», а планомерные реформы,

так же использующие эволюционный потенциал общества, как созданные благодаря успехам естественных наук машины используют силы природы.

Для Платона путь к совершенству лежал через отсеивание, «соскабливание с доски» всего несовершенного; совершенное и несовершенное отрицают друг друга как непримиримые противоположности. Но в глазах новых реформаторов-«технократов» «несовершенное» и «совершенное» представляли собой лишь естественную градацию общественных состояний, сменяющих друг друга по мере роста познавательных и творческих способностей человека. В «технократических» проектах реформ XIX в. более совершенное закономерно вырастает из менее совершенного, целенаправленно конструируется путем оптимизации существующих порядков.

В частности, если платоновская утопия предусматривала «выращивание» новых социальных групп, то выдвигавшийся Контом проект общественного переустройства предполагал использовать (только уже на новых, рациональных началах) потенциал основных классов индустриального общества — финансистов, крупных предпринимателей («капитанов индустрии», по выражению Конта) и промышленных рабочих.

Налицо двойственный характер новых «технократических» идей. В них осталось место идеалам и критериям социального совершенства («эволюция», «прогресс», «приращение знания»), но вместе с тем суть этих идеалов и критериев такова, что они нацеливают принимающих их деятелей не на тотальное разрушение ради будущего высшего совершенства (утопическая инженерия), а на размеренное улучшение общественных порядков, всякий раз поднимающее эти порядки на уровень, соответствующий достигнутому успехам в постижении природных и социальных процессов (позапанная инженерия).

Возникшие на базе нового «технократизма» социо- и политико-инженерные проекты во второй половине XIX и в XX в. регулярно подвергались критике как «слева», так и «справа».

«Слева» (марксисты, анархисты, разнообразные левые течения второй половины XX в.) звучали обвинения в половинчатости инженерного подхода к проблемам общества, в подчиненности его интересам правящей верхушки буржуазного общества, в стремлении с помощью инженерных приемов лишь «косметически» реформировать эксплуататорские порядки, не затрагивая их сущности, в антигуманности расчетливого и прагматичного обращения с обществом, как с механизмом. В то же время, однако, установив свою власть в России, марксисты-большевики весьма скоро пришли к необходимости многое перенять из уже накопленного на Западе опыта социального проектирования, планирования и организации, понадобившегося для решения масштабных экономических, технических и культурных задач, вставших перед новым режимом.

«Справа» же социальную и политическую инженерию атаковали как опасное «заражение» мира свободной конкуренции и частной инициативы

«вирусом» тоталитарного планирования и контроля. Возможно, крупнейший пример решительного протеста против применения инженерных методов – это развернутая американскими консерваторами политико-идеологическая кампания против «Нового курса» президента Франклина Рузвельта, предполагавшего вывод США из кризиса и депрессии 1920-30-х гг. во многом именно с помощью социально-политического проектирования, направленного на планомерное установление в Америке более жизнеспособных и справедливых социальных отношений.

Подытоживая, отмечу, что, несмотря на то, что во многих конкретных случаях отдельные критические замечания в сторону социальной

и политической инженерии могут считаться обоснованными; несмотря на то, что нередко как идеи, так и практика инженерного подхода к обществу были в опасной пропорции смешаны с разного рода утопическими устремлениями, в целом развитие социальной и политической инженерии отражает естественное усложнение общественной системы, ставящее на повестку поиска эффективных методов социального управления. В связи с этим ключевой вопрос о месте инженерии в жизни общества – это не вопрос о приемлемости или неприемлемости инженерного подхода, а вопрос о достижении наибольшей результативности инженерных проектов, опирающихся на принципы гуманности и справедливости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. – М.: Юристъ, 1996. – 591 с.
2. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
3. Маркузе Г. Одномерный человек. – К.: REFL-book, 1994. – 368 с.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. – К.: Ника-Центр, 2005. – 800 с.
5. Фогт А. Социальные утопии. – М.: КомКнига, 2007. – 192 с.
6. Шацкий Е. Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
7. Bernays E. Engineering of consent // http://classes.dma.ucla.edu/Fall07/28/Engineering_of_consent.pdf
8. McDougall W. Technocracy and Statecraft in the Space Age – Toward the History of Saltation // American Historical Review. – 1982. – Vol. 87, N 4. – P.1010-1040.
9. McDougall W. ...The Heavens and the Earth: A Political History of the Space Age. – N. Y.: Basic Books, 1985. – 464 p.